

Ю Д О Л Ь.

Разказъ.

О, бѣдный призракъ, немощный и смутный,
Забываго, загадочнаго счастья.

Тютчевъ.

I.

Когда синеватыя сумерки усталаго осенняго дня начинаютъ вползать въ окна, безусый, съ сѣдыми баками, Леонтій зажигаетъ лапчатое бра надъ круглымъ столикомъ въ углу гостиной; потомъ придвигаетъ три кресла: Ольгѣ Алексѣевнѣ—низенькое, плюшевое; Зоѣ Александровнѣ—деревянное, рѣзное, съ кожаной подушкой, и княгинѣ—позолоченное, съ бронзовыми мордами львовъ на ручкахъ.

Надъ столомъ, въ углу, овальный потемнѣвшій портретъ самаго князя, съ рукой, заложеной за бортъ зеленаго кавалергардскаго сюртука; справа—двери въ бѣлую, гулкую, двухсвѣтную залу съ хорами; налѣво, у дверей балкона-фонарика, горшки съ рододендронами. Со стѣнъ смотрятъ молчаливыя, темныя портреты.

За окнами уже раннія сумерки осени, падаетъ неторопливый, долгій дождь. Нюрнбергскіе фарфоровые часики на каминѣ играютъ тонко менуэтъ: маркизъ и маркиза вышли другъ другу навстрѣчу.

Въ комнатѣ Ольги Алексѣевны туманно, сине отъ сумерекъ. Она сидитъ въ откидномъ креслѣ, у окна, высокая, сухая, съ трясущейся головой, съ глубокимъ вырѣзомъ чернаго шелковаго платья, открывающимъ тонкую, жилистую ея шею съ острыми ключицами. Въ углу, надъ аналойчикомъ, каменное Распятіе, подлѣ горятъ двѣ тонкія восковыя свѣчки.

— Все готово-съ,—говоритъ Леонтій и останавливается у дверей, склонивъ голову.

— Хорошо, дружокъ,—пропозноситъ она, тряся головой.—Княгиня уже встала?

— Ихъ сіятельство сейчасъ выйдутъ.

— Помоги мнѣ подняться.

Леонтіи помогаетъ ей подняться. Ольга Алексѣевна забираетъ съ собою бисерный мѣшочекъ съ папирсами и спичками, табакерку—подарокъ покойной государыни—и идетъ, опираясь на трость, поддерживаемая подъ лѣвый локоть Леонтіемъ.

Зоя Александровна пришла уже сама, сидитъ въ деревянномъ своемъ креслѣ и дремлетъ, какъ всегда, въ минутномъ, старческомъ снѣ... Подагрическія ея ноги, въ припелевыхъ ботинкахъ, закутаны въ пледъ. Она слышитъ шаги, вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Розовое лицо ея, какъ всегда, добродушно сонно, и молодые совсѣмъ, блестящіе глаза смотрятъ поверхъ золотого пенсне, съѣхавшаго на кончикъ носа.

— А я немного соснула,—говоритъ она, прикрывая зѣвокъ пухлой рукой.

— Когда это съ вами не случается, душа моя,—отзывается Ольга Алексѣевна и садится на низенькое кресло.—Покойная государыня,—говоритъ она, развязывая бисерный мѣшочекъ,—терпѣть не могла сонныхъ. Она, бѣдная, все безсонницей страдала. Бывало, ходитъ по своему кабинету всю ночь, грустить...

— Все это мы слышали,—произноситъ обиженно Зоя Александровна,—старо, та сhère!

— Да, вамъ не нравится...

— Скучно-съ. Пора придумать что-нибудь поновѣй.

Ольга Алексѣевна вынимаетъ изъ мѣшочка папиросу и ударяетъ ею судорожно о табакерку.

— Я, кажется, ton ange,—говоритъ она черезъ минуту, тряся головой,—уже давно просила васъ оставить со мной этотъ тонъ. Вамъ постоянно измѣняетъ память относительно нашихъ положеній!...

— Par exemple?

— Всетаки, признайтесь, была вѣдь какая-нибудь разница между моимъ мужемъ и вашимъ!

— Не замѣчала...

— Мнѣ остается поразиться вашей ненаблюдательности: вы не могли даже замѣтить разницы между извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ и какимъ-то генераль-майоромъ...

— Прежде всего, полнымъ генераломъ...

— Ахъ, это все по добротѣ государя вашъ супругъ полнымъ генераломъ сдѣлался.

— Ну, ужъ извините, душечка. Кузьма Николаевичъ въ трехъ бояхъ былъ и Бѣлаго Орла имѣлъ. Это вашъ Nicolas великимъ князьямъ лошадей подавалъ.

— Какъ это умно!... Вполнѣ достойно добродѣтельной генеральши, засматривающей на молодыхъ атташе...

— Ахъ, вотъ что...—Зоя Александровна щуритъ глаза.—Ну, мнѣ кажется, вамъ меньше, чѣмъ кому-либо, слѣдовало бы вспоминать... Вы, вѣроятно, уже забыли про этого испанскаго фертика на балу у князя Бѣлоухова?

— Фи, ангель мой, я уже объясняла вамъ, что все это плоды вашей дурной фантазіи.

— Плоды моей фантазіи, — говоритъ нараспѣвъ Зоя Александровна, — извольте видѣть... А когда вашъ супругъ чуть не далъ пощечину этому испанцу? А то, что онъ увезъ васъ послѣ третьей кадрили?

— Вы меня не фразшируете, ma chere. Однако, мой сынъ тайный совѣтникъ, а Eudoxie при дворѣ; я полагаю, что это лучше вашихъ фантастическихъ испанцевъ. Къ тому же, я слышала, что вашъ Леонидъ проигралъ казенныя деньги... Это правда?

Зоя Александровна блѣднѣетъ.

— Леонидъ!... Леонидъ!... — всплескиваетъ она пухлыми своими руками. — Княгиня, — всхлипываетъ она, протягивая руки входящей княгинѣ, — княгиня, спасите меня... Она... она смѣетъ говорить, что Леонидъ проигралъ казенныя деньги!...

Княгиня входитъ спокойно въ гостиную. Она въ черномъ своемъ глухомъ платьѣ съ траурными плерезами, съ волнистымъ fanchon на серебряныхъ волосахъ, съ спокойнымъ и замкнутымъ, блѣднымъ лицомъ. Леонидъ несетъ позади бѣлый ея пуховый платокъ.

— Вы опять спорите, — говоритъ она спокойно и устало и опускается въ кресло.

Леонидъ накидываетъ платокъ на ея плечи. Княгиня оглядываетъ взволнованную, красную Зою Александровну, протягивающую къ ней умоляюще пухлыя руки, трясущуюся, съ большимъ шелковымъ бантомъ, голову Ольги Алексѣвны.

— У Зои Александровны, — произноситъ та, кусая въ волненіи мундштукъ папиросы, — хватаетъ смѣлости... я выражаюсь сдержанно... сочинять какія-то небылицы!...

— Княгиня, благодѣтельница, — всхлипываетъ Зоя Александровна, — но развѣ можно такъ мстить... такъ недостойно мстить... Мой Леонидъ проигралъ чужія деньги!...

— Я пришла играть въ бостонъ,—говоритъ княгиня черезъ минуту спокойно и холодно,—я не понимаю вашихъ споровъ.

Она беретъ колоду въ блѣдныя свои руки, поправляетъ пла-токъ и начинаетъ раздавать карты.

— Я думаю,—произноситъ она затѣмъ, держа передъ собой вѣерокъ картъ и разбирая ихъ по мастямъ,—что вы уже примирились. Было бы недостойно васъ спорить изъ-за какихъ-то мнѳовъ.

Зоя Александровна уже вытерла слезы.

— Я готова примириться,—говоритъ она,—если Ольга Алексѣевна откажется отъ своихъ словъ.

— Я ничего не утверждала,—вздергиваетъ та плечами,—я передавала слухъ...

— Слухъ гнусный, распущенный недостойными, завидующими карьерѣ Леонида людьми.

Наступаетъ молчаніе.

— Всю ночь шелъ дождь,—произноситъ княгиня черезъ минуту.—Въ Лѣтнемъ саду, вѣрно, всѣ аллеи полны мокрыхъ листьевъ,—добавляетъ она вдругъ безъ связи.

— У меня къ дурной погодѣ подагра разыгралась. Кульнбахъ говоритъ, что подагра у меня отъ шампанскаго... Всѣ пили, ни у кого нѣтъ.

Зоя Александровна наклоняется и поправляетъ пледъ на распухшихъ ногахъ.

— Говорятъ, папа издалъ новую буллу,—произноситъ вдругъ примирительно Ольга Алексѣевна, — вы ничего не слышали, княгиня?

Наступаетъ молчаніе вновь; за окномъ шуршитъ неумолчно дождь о карнизъ.

Послѣ двухъ партій княгиня отодвигаетъ тяжелое свое кресло, подходитъ къ окну. Во дворѣ мокнуть два каменныхъ льва по бокамъ полукруглаго плаца для вѣзда, мутно желтѣетъ заплаканный четырехугольный фонарь, блеститъ мертво асфальтъ двора, текутъ неторопливые, темныя ручьи. За воротами сумрачно темнѣютъ голыя деревья бульвара.

Она смотритъ на ихъ далекія темныя вершины,—и вдругъ видитъ вновь аллею Лѣтняго сада, полная мокрыхъ листьевъ, дальнюю пустую аллею, на которой въ послѣдній разъ видѣла она своего блѣднаго мальчика... За что онъ погибъ?

Одинокая, ѣдкая слеза щекочетъ вдругъ рѣсницы и скатывается по блѣдной щекѣ... Она достаетъ изъ-за пояса скомканный кружевной платочекъ и вытираетъ ее торопливо.

— Политика папы, несомнѣнно, должна обратить на себя вниманіе государства,—говорить вдругъ Ольга Алексѣевна.—У насъ и такъ мало средствъ для борьбы съ католицизмомъ. Пора остановить это торжество Ватикана.

II.

Сквозь туманное стекло видны далекія, желтыя ожерелья фонарей; гудить дальній одинокій паровозъ осеннимъ, безконечнымъ гуломъ.

Княгиня стоитъ у окна, у раздвинутыхъ тяжелыхъ гардинъ. На столикѣ, подлѣ постели, горитъ одинокая свѣча; часы въ гостиной медленно и тяжело отбили четверть. Сумракъ, тишина. Леонтій тихимъ голосомъ пожелалъ за дверьми спокойной ночи. Бѣлѣтъ на столѣ развернутый томикъ Вольтера, въ лохмотьяхъ, разрѣзанный шпилькой; маленькіе эмалевые часики на каминѣ стучать торопливо, точно стараясь самихъ себя обогнать.

Княгиня отходитъ отъ окна, ходитъ безцѣльно изъ угла въ уголь.

Надъ ея постелью, у изголовья, маленькій эмалевый портретъ сына, въ матросской курточкѣ съ голубымъ воротникомъ, съ льняными волосами, расчесанными на косой проборъ; ротъ чуть полуоткрытъ, въ счастливой и удивленной улыбкѣ.

Она стоитъ минуту и, не мигая и не видя, смотритъ на крохотное, туманящееся лицо. Алексѣй ненавидѣлъ мальчика: зналъ, что чужой, не его сынъ... Всю жизнь боролся съ нимъ, какъ съ врагомъ. Могъ, но не отвратилъ послѣдняго удара—безумнаго поединка изъ-за пустой шалости...

Но чѣмъ, чѣмъ былъ онъ виноватъ въ ея грѣхѣ?... Да, она грѣшна. Алексѣй умеръ, не давъ ей приблизиться.

Въ углу сумрачная, темная лампадка бросаетъ темное пятно на суровый ликъ. Она опускается на колѣни, прижимается щекой къ жесткой ручкѣ кресла.

— Господи, это я, я его убійца... Онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ Тобой. Покарай только меня за всѣ грѣхи.

Осенній вѣтеръ бросаетъ съ шелестомъ въ стекла брызги дождя. Вѣрно, старая Ефимовна зѣвнула протяжно вниз, подъ полость. Лучится свѣтъ лампадки сквозь мертвыя, блѣдныя слезы. Башенные часы въ киркѣ уныло простонали четверть.

Княгиня поднимается и подходитъ къ столу; глаза ея уже сухи, лицо замкнуто, какъ всегда.

Въ среднемъ ящикѣ стола лежитъ тетрадь,—единный другъ

съ дальнихъ лѣтъ, съ Смольнаго... Какъ давно она не брала его въ руки!

Она переворачиваетъ сухія страницы. Сколько воспоминаній!... Вотъ засохшая вѣточка полыни съ того безумнаго, дальняго лѣта, когда ходили безъ усталы съ нимъ по далекимъ междамъ монастырскихъ полей... Журавли летѣли съ тихимъ курлыканьемъ подъ осеннимъ небомъ, усталымъ и грустнымъ; въ монастырѣ звонили неторопливо къ вечернѣ, задумчиво и утомленно. Возвращались съ нимъ, пьяные осенью, она—въ безразсудствѣ дѣвочки,—бѣглая, чужая жена, уже имѣвшая двухъ умершихъ дѣтей...

Вотъ его карточка—въ бѣломъ адъютантскомъ мундирѣ: снимался за два дня до монаршей немилости—ссылки изъ гвардіи въ далекій сѣверный полкъ... А вотъ счетъ изъ гостиницы въ Нейенарѣ, гдѣ лѣчился Алексѣй и умеръ холодной весенней зарей на балконѣ... Прошлые, не возвращающіеся сны!

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной, земная жизнь кругомъ объята снами,—такъ написала она на первой страницѣ.

Она переворачиваетъ шуршація страницы и смотритъ на мелкія цѣпи строкъ.

3 февраля. Государь уѣхалъ въ Крымъ; съ нимъ вся свита и Алексѣй. И вотъ я одна, опять одна, какъ всегда... Хожу по комнатамъ, трогаю безцѣльно вещи. Неужели и до сихъ поръ я все еще не привыкла къ своему одиночеству? Хожу по комнатамъ, трогаю вещи—и спрашиваю себя:

— Неужели это то счастье, которое я ждала встрѣтить?..

Иногда кажется мнѣ даже, что мы съ Алексѣемъ другъ другу совсѣмъ чужіе, только внѣшне близкіе, для другихъ.

Если я люблю его, то почему же въ тѣ ночи, когда мы остаемся одни, я не ощущаю ничего, кромѣ тоски, отчаянія?.. Да, чувствую и знаю теперь, что мы—чужіе.

Ахъ, все равно, все равно. Поздно вспоминать, сожалѣть. Жизнь моя, какъ царскосельскія статуи осенью, холодна и недвижна.

17 февраля. Безусый, зазѣвавшійся солдатикъ не успѣлъ отдать чести. Алексѣй распекалъ его изъ саней, посрединѣ дороги,—крпчалъ на него, выпучившаго безмысленные, въ смертельномъ ужасѣ, глаза...

Кругомъ собралась толпа, я ощущала на себѣ ѣдкіе, насмѣшливые взгляды и не могла поднять глазъ, сидѣла въ широкихъ нашихъ саняхъ, скрывъ въ мѣхахъ лицо.

Какъ пусто, безсмысленно, скучно, скучно... О, если бы я могла выскочить изъ саней, побѣжать, не глядя, только подальше...

А ночью онъ вновь пришелъ ко мнѣ—и сдѣлалъ своей работой.

3 марта. Сегодня почувствовала, что снова беременна. Что если и этотъ родится мертвымъ?.. Господи, Господи, только не это!...

Сосущая тоска во мнѣ, какъ и въ тотъ день, когда первый ребенокъ родился мертвымъ...

15 марта.—Моя жена беременна,—сказалъ онъ адъютанту,—я снова холостъ.

Я услышала это сквозь незакрытыя двери. Когда я проходила по вестибюлю, адъютантъ оглядѣлъ меня съ любопытствомъ.

29 марта. Онъ ведетъ „холостую“ жизнь, а я брожу одна по гулкимъ комнатамъ и чувствую, что все безнадежно въ прошломъ...

Черезъ мѣсяцъ переѣздъ въ Царское. Буду бродить по аллеямъ: тамъ тихіе, глубокіе, зеленые пруды, свѣтлѣютъ бесѣдки...

Сегодня ночью я опять почувствовала его... Приложила руку—и онъ затихъ, словно я приласкала его.

17 мая. Небо вечернее—зеленое и грустное. Играетъ гдѣ-то оркестръ. Алексѣй въ Гатчинѣ, а я сижу у раскрытаго окна, смотрю на грустное небо, на блѣдные клочья тумана, скользящаго между стволами деревьевъ.

Май холодный, по ночамъ бывають даже заморозки. Но лѣнь подняться, закрыть окно. Все сижу, слушаю далекий оркестръ, смотрю на туманъ.

Нелѣне вчера пріѣзжала ко мнѣ. Она, въ амазонкѣ, благоухающая, прискакала изъ Павловска съ кавалькадой. Сидѣла напротивъ меня и даже въ эти нѣсколько минутъ не могла скрыть скуки... Ускакала съ хвостомъ бѣлыхъ кителей. Что же, она по своему права: беретъ жизнь, какъ можетъ, мѣняетъ наряды, любовниковъ, весела, безпечна и свободна—оттого что умна... А я дура, плакса, „старая размазня“, какъ звала меня нянюшка Степанида. Мнѣ двадцать семь, а я чувствую себя усталой, старой, больной...

3 июня. Была съ Алексѣемъ во дворцѣ на обѣдѣ. Сидѣла затянута, напудренная,—боялась только, чтобы не стало дурно... А кругомъ соболѣзнующіе, насмѣшливые взгляды.

— У васъ нездоровый видъ,—сказала мнѣ статсъ-дама В.,—дита мое, если вы не хотите имѣть ребенка, я пришлю вамъ своего Фогеліуса. Вы въ немъ можете быть увѣрены.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, лучше пресѣчь эту маленькую жизнь, чѣмъ осудить ее на одиночество и тоску?..

9 июня. Онъ сказалъ, что ѣдетъ съ докладомъ къ генералу Зуеву,—уѣхалъ рано, когда я еще спала.

Я бродила по аллеямъ одна весь день. А вечеромъ я увидѣла ихъ на шоссе въ коляскѣ: его и Дэзи... Я едва узнала ее, она покрасила волосы въ рыжіѣ цвѣтъ. Какая неосторожность заѣзжать такъ близко къ дому,—онъ не считается со мной даже, какъ съ женщиной...

Я увидѣла ихъ вмѣстѣ—и не ощутила ничего, даже не вздрогнула. Чужой человекъ съ чужой женщиной. Все же, навѣрно, глупо расшатаны нервы,—двѣ истерики были со мной ночью... Одну минуту хотѣла даже послать за Фогеліусомъ... Пусть дѣлаетъ свое... По крайней мѣрѣ, ничто меня не свяжетъ съ тѣмъ. Одумалась и разрыдалась.

Пашенька, блѣдная, въ ночномъ чепчикѣ, отсчитывала дрожащими руками въ рюмочку капли... А за окномъ была зеленая, мгновенная ночь, даже ночи не было—смѣнились двѣ зари: зеленая алой.

17 июля. Хотѣла перепрыгнуть черезъ канавку—и упала на грудь щебня сбоку дороги... Сначала только испугалась, но боли не почувствовала, дошла до дому спокойно. Но вечеромъ начались боли внизу живота, я металась по постели, кричала дико... Алексѣй поскакалъ за врачами. Отъ крика я потеряла голосъ...

Къ утру впрыснули морфій, я такъ ослабѣла, что не могла двинуть рукой. Пашенька—съ перекошеннымъ лицомъ—ставила горячія припарки.

На разсвѣтѣ я заснула. Мнѣ приснилось, что онъ родился мертвымъ. Проснулась въ тоскѣ, въ отчаяніи... Въ комнатѣ никого не было. За окномъ, на солнцѣ, переливалась зеленымъ золотомъ береза, щебетали звонко проснувшіяся птицы.

9 августа. Уже осень, падаютъ листья. Зеленые, бездонные пруды Царскаго полны ими: желтыми, красными, ржавыми. Они опускаются тихо на плечи. Единая пора, близкая моему сердцу. И мраморъ статуй сталъ свѣтлѣй и легче.

„Долго-ль, долго-ль будешь биться,
Сердце бѣдное, въ груди,
Долго-ль будешь ныть, томиться?
Смерть, скорѣй, скорѣй приди!

Ничего мнѣ не осталось,
Для чего бы въ мѣрѣ жить—

Только сердце, чтобы рвалось,
И глаза, чтобы слезы лить“.

Хожу по парку, твержу эти стихи Гнѣдича. Говорятъ, онъ въ молодости потерялъ глазъ отъ оспы, и всю жизнь былъ высокоомѣрнымъ, чтобы скрыть свое безобразіе... Такъ и я, кажется мнѣ, потеряла душу свою давно, и теперь хочу только прикрываться лохмотьями.

20 августа. Идутъ дожди непрерывно. Деревья облетѣли, мокрые, желтые листья лежатъ въ мокрыхъ аллеяхъ; пузыри лопаются въ лужахъ. Только георгины шкнутъ на клумбахъ—чужіе мнѣ, высокоомѣрные цвѣты. На минутку выглянетъ желтое солнце, освѣтитъ мокрыя ступени, заплаканныя стекла—снова затаитъ туча, вновь долгій дождь... По ночамъ просыпаюсь и слышу, какъ стучитъ онъ о крышу.

Черезъ недѣлю вновь Петербургъ, снова гулкія комнаты, утомительные, ненужные балы, отъ которыхъ, какъ отъ плохого вина, меня „мутитъ“ нѣсколько дней, осенніе и зимніе туалеты, адъютанты съ безстрастными лицами, марширующие солдаты...

Сижу на любимомъ своемъ угловомъ диванѣ и скулю, какъ собачонка... какъ болонка Воронцовой—подслѣповатая, старая, злющая... Алексѣй правъ, что бѣжитъ отъ меня, какъ отъ скуки. Да и что, кромѣ скуки, можно найти во мнѣ? Смотрю въ зеркало—и вижу безкровное, усталое лицо, тусклые глаза, первыя морщинки у глазъ... Постарѣла, подурнѣла—совсѣмъ Варварушка, беременная торговка съ Охты.

Но иногда, когда слышу по ночамъ, какъ онъ шевелится,—кажется мнѣ, что онъ вмѣстѣ со мной, какъ тихій другъ, переноситъ всю горечь...

11 ноября. Онъ умеръ... Какая тоска во мнѣ, если бы кто-нибудь зналъ! Его нѣтъ, онъ мертвъ... Не увидавъ—полюбила, а увидѣла—умеръ. Какъ въ сказкѣ: увидѣлъ свѣтъ—и не захотѣлъ жить...

Прожилъ два дня, вѣрнѣе, даже не прожилъ—промучился. Кричалъ всѣ два дня непрерывно, синій отъ крика... Умеръ неслышно, словно заснулъ.

И вотъ я опять одна... За окномъ падаетъ мокрый снѣгъ; слякоть; у городского на углу повязана щека. Хоронили его безъ меня, увезли въ каретѣ. За что эта кара?..

...Сколько прошло дней, недѣль?.. Не знаю. Стою у открытаго окна, смотрю на сѣверное, безстрастное небо, на дальній ключъ

журавлей, летящихъ съ тихимъ курлыканьемъ куда-то... Счастье и тоска во мнѣ, отчаяніе и счастье. Какой безжалостный вѣтеръ судьбы занесъ меня сюда, какъ опавшій, безсильный, желтый листь,—чужую, грѣшную жену?..

Вотъ уже два года, какъ я не бралась за эти листки,—теперь перебираю ихъ снова, какъ прежде.

Что же, пришло, наконецъ, мое позднее счастье?.. Такъ ли? Счастье ли—этотъ осенній трепетъ, осенняя заря... Смотрю въ его счастливые, молодые глаза, и чувствую свои тридцать лѣтъ, морщинки у глазъ... И знаю, что это счастье—мое послѣднее и что сгорить оно скоро. Плачутъ монастырскіе колокола, и я плачу блѣдными, мертвыми слезами надъ осеннимъ своимъ счастьемъ—безнадежнымъ...

Гдѣ-то въ далекомъ Петербургѣ Алексѣй, парады, гулкія комнаты, а здѣсь тишина, далекое, грустное небо, журавли, летящіе съ печальнымъ кликомъ куда-то...

Ну вотъ, пришло, наконецъ, мое счастье, а я плачу, плачу, ибо чувствую его мгновенность, и чѣмъ я, старая, сумѣю удержатъ молодое его сердце?.. Ахъ, лучше не думать, не думать. Выпить до дна этотъ стаканъ, а тамъ—что будетъ...

2 сентября. Алексѣй нагналъ меня въ коридорѣ.

— Ротмистръ Долининъ,—сказалъ онъ съ кривой, страшной улыбкой,—царскимъ приказомъ переведенъ въ пограничный полкъ.

Я схватилась за ручку двери и смотрѣла ему вслѣдъ...

18 августа. Вотъ уже годъ набѣжалъ съ тѣхъ поръ. Блѣдное солнце смотритъ сквозь окно. Онъ лежитъ подлѣ меня, мой маленькій мальчикъ, у моей груди... Алексѣй знаетъ, чей это сынъ, но самъ позвалъ врача, когда мнѣ стало плохо—хочетъ скрыть отъ другихъ. Говорятъ, государь, когда узналъ обо всемъ—пожалъ ему руку и сказалъ:

— Sois tranquille, l'offenseur sera puni!..

Да, Николай наказанъ, даже свыше наказанъ—жестоко... Не выдержалъ тоски, одиночества, позора разбитой жизни... А кто разбилъ ее, какъ не я? Сама, первая, искала этой встрѣчи въ Царскомъ, сама, первая, позвала его за собой... И онъ пошелъ, и погибъ.

Теперь я вновь одна, но во мнѣ нѣтъ уже слезъ: онѣ высохли. Только онъ подлѣ, бѣдная моя крошка, уже осужденная на нелюбовь...

Княгиня смотритъ на узкія цѣпи строкъ—и вдругъ видитъ, какъ въ прозвѣннй, дальнюю аллею Лѣтняго сада, въ красныхъ

и бронзовыхъ листьяхъ, блѣдныя пятна осенняго солнца, дрожащія на дорожкахъ... Здѣсь они встрѣчались тайно, какъ любовники, мать съ сыномъ; здѣсь плакала она, закрывъ глаза единой близкой рукой,—здѣсь встрѣтились они въ послѣдній разъ...

Ему шло сѣрое военное пальто, дѣлало его стройнѣй, — и ярче свѣтились темныя и грустныя его глаза. Съ давнихъ лѣтъ еще залегла эта грусть въ нихъ, бездонная грусть,—еще съ той поры, когда прѣвѣжалъ по субботамъ изъ корпуса, стриженный и блѣдный, какъ выцвѣтшій, блеклый портретъ того...

Алексѣи зналъ объ этомъ поединкѣ, могъ предотвратить его,—но не отвратилъ руки... За что его убили, бѣднаго, грустнаго мальчика—изъ-за какихъ-то мертвыхъ, ужасныхъ традицій.

Сколько сновъ, не возвращающихся сновъ!...

Алексѣи умиралъ въ Нейенарфъ одинъ, не подпуская ея къ себѣ; умеръ блѣдной весенней зарей на верандѣ. Ненавидѣлъ ее цѣлую жизнь за тотъ дальній грѣхъ—и не простилъ передъ смертью.

Плакали мѣдными слезами трубы трубачей, офицеры несли сзади на подушкахъ шпагу и ордена, а она шла за гробомъ, какъ отверженная, не смѣя поднять глазъ...

За окномъ попрежнему зыбкія, холодныя сѣти дождя, мокнуть во дворѣ насупленные львы, желтые фонари мигаютъ призрачно. Свѣча нагорѣла и тихо потрескиваетъ надъ синей, блеклой тетрадью. Маленькій мальчикъ, съ удивленными, темными глазами, смотритъ съ изголовья постели, надъ безсонной подушкой.

IV.

Осенній свинцовый разсвѣтъ бросаетъ мутныя синія пятна на столикъ, уставленный склянками, на высокія, пзмятыя подушки постели. Въ комнатѣ душно, пахнетъ пачулями, ландышевыми каплями.

Зоя Александровна очнулась отъ тяжкаго, душнаго сна,—сидитъ въ углу, въ креслѣ, закутавшись въ платокъ, зѣваетъ судорожно и растираетъ опухшія ноги. Стрѣлка на бронзовыхъ часахъ на каминѣ ползетъ медленно: черезъ двадцать минутъ, въ шесть, придетъ, какъ всегда, Дашенька.

Въ углу, на тюфячкѣ, спитъ, выставивъ острое ухо, ворчащій во снѣ, дряхлый Чарли. Дождь уже не идетъ; по мутному небу ползутъ сизыя гряды осеннихъ облаковъ.

Зоя Александровна кричитъ, стонетъ—и растираетъ ноющія ноги.

Въ шесть приходитъ Дашенька. Она уже умыта, въ чистомъ передникѣ, съ гладко расчесанными, рѣдкими сѣрыми волосами—подъ вязаной косынкой.

— Ночью наводненіе было,—произноситъ она, становясь на колѣни и растирая распухшія ноги въ синихъ старческихъ жилахъ.—Мясникъ рассказывалъ, всю Галерную залило.

— Дашенька,—говоритъ Зоя Александровна сквозь слезы, морщась отъ боли,—за что Богъ на меня такую напасть послалъ?... Съ четырехъ часовъ отъ боли уснуть не могла.

— Господь сдѣлалъ,—отзывается Дашенька, не поднимая головы,—значить, такъ тому и быть. Все къ лучшему.

— Докторъ говоритъ, что у меня это отъ шампанскаго. Шампанское я въ молодости любила... А я думаю, что кара это за грѣхъ,—только за какой грѣхъ, Дарьюшка?...

За окномъ гудятъ къ ранней обѣднѣ колокола ноюще, осеннимъ гуломъ. Дашенька надѣваетъ на ноги старухи толстые вязаные чулки, теплыя туфли съ мѣховой обшивкой, подводитъ ее къ маленькому пуфу у стѣны.

— Прилягте до кофейку,—говоритъ она и прикрываетъ ее желтымъ пледомъ. Чарли уже проснулся въ своей корзинѣ и сонно, со скуломъ, потягивается; потомъ вылѣзаетъ, брезгливо отряхиваясь, судорожно расправляетъ заднія ноги—и подходитъ къ пуфу; глаза его слезливы, и старческая тоска въ нихъ. Дашенька проворными руками прибираетъ постель.

— Мой нынче опять приходилъ,—говоритъ она вдругъ, не поворачиваясь,—въ грязи весь, шатался всю ночь,—глаза бы не глядѣли. И прогнать его хочется, и рука не подымается: жалко, куда его выгонишь!

— Что же, остался?—спрашиваетъ Зоя Александровна.

— Спать сейчасъ. Отоспится и опять плакать начнетъ, прощенья просить. Лежить, весь въ грязи,—а вѣдь своя кровь, Зоя Александровна, куда его выгонишь. И восемнадцати годовъ ему нѣтъ.

Дашенька вдругъ роняетъ пузырекъ съ ландышевыми каплями и всхлипываетъ.

— Ну, полно, полно тебѣ,—говоритъ Зоя Александровна,—исправится еще онъ у тебя. Иди, буди Ольгу Алексѣвну.

Дашенька вытираетъ слезы и выходитъ изъ комнаты. У бѣлыхъ дверей останавливается, вытираетъ глаза еще разъ—и входитъ неслышно.

Ольга Алексѣвна сидитъ въ креслѣ, закрывъ глаза,—спитъ беззвучно; свѣчи на аналойчикѣ сгорѣли до хрустальныхъ розе-

токъ,—вѣрно, позабыла погасить ихъ на ночь; пахнетъ фитилемъ, еще чѣмъ-то сладковатымъ, неувлимымъ.

— Неужели уснула въ креслѣ?

Дашенька подходит тихо и наклоняется.

— Ольга Алексѣвна,—шепчетъ она, чтобы не испугать спящей,—Ольга Алексѣвна, седьмой часъ...

Она касается ея блѣдной руки, лежащей на ручкѣ кресла,— и вдругъ рука мертво и тяжело падаетъ на колѣно.

— Ольга Алексѣвна,—произноситъ Дашенька уже съ жутью,— Ольга Алексѣвна...

И внезапно ощущаетъ холодъ ея тѣла сквозь тонкій шелкъ платья... Она закусываетъ руку—и смотритъ, не видя, на мертвое бѣлое лицо старухи, откинутае на бархатную спинку кресла.

V.

Въ седьмомъ часу вечера Леонтія, съ непокрытой головой, выбѣгаетъ во дворъ навстрѣчу каретѣ и открываетъ дверку.

— Здравія желаю, ваше высокопревосходительство,—говоритъ онъ, склонивъ плѣшивую голову.

У пріѣхавшаго безкровное, худое лицо съ рѣдкими бачками, пустыя, безцвѣтные глаза безъ рѣсницъ; онъ въ черномъ пальто съ золотыми пуговицами и голубыми отворотами, въ форменной фуражкѣ.

— Давно это случилось?—спрашиваетъ онъ, разглаживая передъ зеркаломъ вестибюля рѣдкія свои бачки.

— Ольга Алексѣвна преставилась утромъ, на разсвѣтѣ, а можетъ быть, и раньше, ночью.

Въ залѣ съ хорами, куда они входятъ, сумракъ; горитъ въ дальнемъ углу тусклое бра съ тремя свѣчами, сумрачно и жутко блестятъ колонны, скрипитъ паркетъ подъ ногами.

— Княгиня,—говоритъ Мезенцовъ входящей княгинѣ,—насъ постигло несчастье!

— Увы, мой другъ.

Онъ цѣлуетъ ея тонкую, блѣдную руку; она его—въ большой, плѣшивый лобъ.

— Бѣдная маман,—бормочетъ онъ и вытираетъ мизинцемъ рѣсницы.—Она такъ любила жизнь.

Въ маленькой гостиной зеркала завѣшены чернымъ, рододендроны и латаніи стоятъ вокругъ стола; два канделябра горятъ у изголовья; монашенка, съ безкровнымъ, утомленнымъ лицомъ, читаетъ однотонно.

Мезенцовъ подходитъ къ столу, поднимаетъ легкую кисею и смотритъ въ лицо матери. Оно чуточку блѣднѣй, чѣмъ всегда, но ротъ ввалился, вокругъ глазъ синія тѣни, и къ пряному аромату туберозъ и лилій, разсыпанныхъ по подушкѣ, примѣшивается еще одинъ, сладковатый и страшный...

Мезенцовъ вынимаетъ изъ задняго кармана платокъ и прикладываетъ къ глазамъ.

— Когда мнѣ сообщили о несчастѣ въ министерство,—говоритъ онъ, поворачиваясь, княгинѣ,—я не хотѣлъ вѣрить... Матан для своихъ лѣтъ была еще такъ здорова. Меня утѣшаетъ только мысль, что послѣднія минуты она провела въ нашемъ домѣ, который считала роднымъ.

Онъ отходитъ отъ стола, они выходятъ вновь въ полусвѣщенную залу съ хорами.

— Княгиня, мнѣ сейчасъ тяжело говорить объ этомъ,—произноситъ онъ, держа платокъ у рта,—но послѣ матан остались, навѣрно, какія-нибудь распоряженія... въ ея вещахъ. Я попрошу бы васъ временно закрыть для прислуги ея комнату.

Они ходятъ еще нѣсколько минутъ по залѣ.

— Къ сожалѣнiю,—говоритъ онъ вдругъ глухо и насильственно,—для насъ, государственныхъ людей, не должно существовать личной жизни... Несмотря на семейное горе, я долженъ черезъ полчаса быть на экстренномъ засѣданiи.

Княгиня смотритъ на его плѣшивый лобъ, безцвѣтные глаза безъ рѣсницъ, бѣлый жилетъ, и чувствуетъ, что еще мгновенiе, и она разрыдается отъ безмѣрной, мертвой тоски...

— Да, да,—говоритъ она,—да... Поѣзжайте съ Богомъ, Ригге. Мертвымъ не нужны сожалѣнiя.

Она провожаетъ его до vestibюля. Леонтiй помогаетъ ему надѣть форменное пальто съ золотыми пуговицами. У кареты уже зажжены фонари, отражаются на асфальтѣ мокрыми, блеклыми пятнами; идетъ мелкiй, тонкiй, косой дождь.

Княгиня глядитъ вслѣдъ темной каретѣ сквозь широкия стекла балкона-фонарика; потомъ возвращается обратно, въ сумрачную залу, въ маленькую гостиную съ завѣшенными зеркалами. Чуть колеблются пламена свѣчей у изголовья. Острая атласная туфелька выглядываетъ изъ-подъ шелковаго платья, легшаго мертвыми складками вокругъ дѣвичьи-тонкихъ ногъ.

Вл. Лидинъ.